

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Окна в будущее

Культура сложности и самоорганизации

Открытые окна

Когда Бог закрывает дверь, Он открывает окно.

Пословица

времени может отколоться и навсегда застрять в каком-нибудь чулане.

Габриэль Гарсиа Маркес

XX столетие – транзит, трамплин в новый эон. Время, подобно сжатой обстоятельством часовой пружине, было приведено в критический момент в действие. Новый порядок – понятие, толкуемое на протяжении столетия различным образом, но основная борьба сегодня идет не по поводу констатации, а вокруг формул его реализации.

Жизнь на краю хаоса

Время в своем движении тоже сталкивается с препятствиями и терпит аварии, поэтому частица

Искусность, как и искусственность, проявляется в мастерстве и артистичности, которая сама по себе имеет малое отношение к действительности.

Прежний мир развоплощается, обитатели теряют статус, их функции пересекаются, совмещаются, персонализируются, растворяя скорлупу обезличенных организмов. Революция масс, смешавшись с революцией элит, подвергается вивисекции новых варваров Юга. В трансграничных сетях утверждаются влиятельные субъекты – мировые регулирующие органы, страны-системы, государства-корпорации, энигма-

тичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, знаниевые институты облекаются в подвижные оболочки — суммы взаимодействий, реализуемых частным, неформальным образом. Складывается полифоничная среда, формируется многоликое общество.

В XXI веке страны — это не территории, а люди. Новое мироустройство меняет прописи практики. Глобальная социальная и культурная революция — переворот в антропологической вселенной. Люди привыкли воспринимать историю как книгу, забывая, что текст мерцает, строки переписываются, а прочтение будущих глав — плод внутренних и внешних усилий.

Кризис будущего

И туда простираются все мысли.

Преподобный
Исаак Сирийский

Будущее — особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Но даже время — субстанция, столь органично связанная с этой мерцающей реальностью, — проявляется и понимается сегодня несхожим образом, да и течет для разных субъектов с различной скоростью.

Кризис будущего — следствие изначальной катастрофы, изживаемой в производной субстанции — антропологическом времени в его социальном прочтении — истории. Это временное торжество искажающих гармонию, истощающих таланты и состояния обстоятельств, вселенские сумерки души, затрудняющие исцеление естества, понуждающие сомневаться в самой возможности преодоления светливой вечности.

Метаморфозы человеческого сознания, версии мировиде-

Ян Вермеер. Девушка, читающая письмо у открытого окна. Фрагмент. 1657 год

ния, стадии восстановления порушенной природы — всё это попытки, порою отчаянные, восполнения, трансмутации, провидений открытой души, преобразования противоречий себялюбивой замкнутости в очерченном памятью, заботливо сохраняемом прошлом.

После распада Западной Римской империи европейский мир отсекает, отгрызает нахлынувшее позапрошрое, превозмогает сумятицу Темных веков, продуцируя феномены Ренессанса, Реформации, Контрреформации, Просвещения, Модернити.

Кризис доминантной ментальности Нового времени обострил различия в понимании цели и стратегии человеческой жизни, актуализировал альтернативы, обозначив рубеж новой эры с ее формальным определением — Постсовременность. Эпохи, вводящей в разновекторно организуемый и самоорганизующийся мир индивидов и сообществ маршруты антропологической/социальной трансформации, включая видения постчеловеческого мироустройства.

Будущее — капитал, причем необъятных размеров, но его можно расценить как источник алхимической эмиссии, инвестиционный ресурс или разменную монету. Либо как трофей.

Переживаемый глобальный переворот, тектоника универсального кризиса, поиск позитивных, эффективных путей разрешения, формулирование методологии познания—действия—управления в ситуациях серьезной неопределенности создают условия, когда апофатическое мировидение и синергийный тип сознания могут стать трамплином цивилизационной динамики.

После впопыхах объявленного «конца истории» открывается новая глава — история будущего.

Пересекая горизонт

И клялся Живущий во веки веков, Который сотворил небо и всё, что на нём, землю и всё, что на ней, и море и всё, что в нём, что времени уже не будет.

Откровение 10:6

Будущее — комплексная категория, трактуемая и прочитываемая различным образом, сложный феномен, обладающий несхожими траекториями материализации. В своей основе это асценденция: путь целенаправленной антропо-социо-трансформации (АСТ), стремление к исправлению деформаций естества, исцелению души, преодолению энтропии и стагнации, прерыванию инерции быта и бытия, перебарыванию себя и обстоятельств — состояние перманентной благой трансценденции, реализуемой людьми в синергии с промыслом.

Истоки будущего — в человеческом прошлом: катастрофе отпадения от вечного. Столь свойственное людям влечение к незримым землям, склонность к отысканию и заселению их — в своей основе следствие фундаментальной антропологической катастрофы.

Эта универсальная устремленность — тяга к обретению утраченного (апокатастасис) — находит разрешение в производной субстанции — истории, которая есть путь воссоздания порушенной природы, второй шанс, «время человек» — в отличие от «времени космоса».

История — лечебница, лестница: маршрут вразумления, восстановления, эскалации. Одновременно — ристалище, плен, закоулки: развилки и тупики социальной/антропологической трансценденции или деградации.

Сложна структура времени: человеческое/социальное —

отлично от физического, движется с иной, к тому же изменчивой скоростью, маршрут его нелинеен.

Степени осознания и актуализации антропологического времени:

- ◆ обретение — удержание событийного ряда, сшивание ткани бытия, «память»;
 - ◆ инерция — монотонность, цикличность избыточных часов, «хроники», «срок»;
 - ◆ намерения — целеполагаемое время, «проекции», «фантазмы»;
 - ◆ действие — реализуемое время, «перемены», «героизм».
- Пробуждение — полноценное бытие как плод обретенного рвением, трудами, усердием будущего. Будущего личного и соборного, опознаваемого, низводимого, нисходящего, становящегося настоящим. «Буди» — призыв к присобытию.

Взорванные барьеры

Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

Матф. 11:12

Будущее есть прорыв инерции замкнутой на себя жизни («дурной бесконечности»): снятие коросты, сжимающей, сковывающей человека, удерживающей в лабиринтах перманентного дежавю.

Истоки («энергия», «искры») будущего — сбереженные в экзистенции отблески утра бытия и плоды мук разлуки. Следы любви, творчества, свободы обнаруживаются в тектонике, разломах настоящего как протуберанцы иного: семена, ростки, экогены (антропогены, социогены) возможного инобытия («Царство Мое не от мира сего», Иоанн 18:36). Но иное способно смещать и замещать подлинное.

Будущее создается людьми в синергии с промыслом как встреча (со-единение) пробуждаемого, просыпающе-

гося со-знания с провиденцией грядущего. Как преодоление себя и вскрытие повседневного «наста», как непрестанное обновление, синезис: трансценденция временного в вечное. То есть не в «завтра», но «на все времена». Альтернатива — омертвление бытия, оскудение духа, лавина рекурентностей, расползание ткани жизни, разбегание всего и вся, утрата обретенного, половодье и водоворот часов, провал в бездну неорархаики, укутанной пластами бесконечной, словно лента Мёбиуса, истории. Наконец, имплозия, обрушение, смешение фрагментов самой истории, распад времен.

Людская темпоральность пластична: освоение будущего ведет к изживанию, исчерпанию времени, «концу истории». И в борьбе с соблазнами героического утешения — к разделению: прорыву либо провалу в вечность, спасению или отпадению.

История — персональный и соборный проект. Человек,

размыкая, пересиливая, побеждая, преображая дурную бесконечность, одолевает пороки падшего естества, перебарывая себя. Это процесс антропотрансформации: подвиг, метаморфоза, трансмутация, исцеление. Как венец — обожение.

Кризис будущего — это обстоятельства, вызывающие сомнения в возможности благополучного исхода земных боений.

Разбитые окна

*Если бы Бог жил на земле,
Ему побили бы окна.*

Пословица

Теория разбитых окон гласит: если кто-то разбил стекло в доме и никто не вставил новое, то вскоре ни одного целого окна в этом доме не останется. А потом начнется мародерство.

Новое мироустройство

Мы должны быть открыты-ми перед возможностью усилить и эксплуатировать

критичность, если это соответствует национальным интересам — например, при уничтожении иракской военной машины и саддамовского государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор.

Стивен Манн

Наше время — время транзита как в России, так и за ее пределами. Ялтинский/неоялтинский миропорядок, установивший границы влияния, правила силовых игр и расчертивший Европу на геополитические зоны, взломан и отходит в прошлое. В динамичной, многолюдной, многоэтажной вселенной складывается стандарт знания и действия, основанный на восприятии планеты людей как

перманентно-транзитной реальности. Это, конечно, непривычный взгляд на окружающий мир. Отсюда императив серьезного обновления методов политического действия и принципов социального проектирования.

Ситуация с транзитным статусом социокосмоса напоминает пересмотр картины мира физического, случившийся в начале прошлого столетия в результате появления теории относительности и формулирования постулатов квантовой физики. Антропологическая галактика сегодня перестает восприниматься как шахматная доска, где одна сбалансированная комбинация миропорядка состязается с другой. Достижение равновесия представляется ныне проблематичным, Новый мир, по-видимому, окажется бурной средой и агрессивной фазой истории. Планетарное общество все более напоминает разогретый водяной котел — диффузный мир: чрезвычайно подвижный, многоаспектный, энергичный, склонный к турбулентности.

Представления о социополитической сфере, экономике, культуре, антропологии — нередко редукции актуального положения вещей, а попытки долгосрочного прогнозирования по имеющимся лекалам уязвимы и малоэффективны. Востребованным оказался дисциплинарный подход, согласно которому глобальное сообщество демонстрирует характерные черты сложной и сверхсложной системы — такой, как погода или финансы: его бытие сопряжено с риском пересечения предельных состояний и вероятностью обвальных последствий. Именно поэтому в политический анализ и социопроектирование проникают концепты хаососложности, диссипативных структур, высокоадаптивных систем как наиболее адекват-

ные складывающемуся мироустройству.

Одно из ключевых свойств нынешней фазы эволюции — возрастающая нелинейность, неопределенность антропологического космоса, когда вероятность событий плохо предсказуема, равно как и масштаб перемен, поскольку лавинообразные следствия в сложном мире может вызвать относительно небольшое изменение параметров. Таким образом, субъекты действия не просто умножаются в числе, но обретают иной ранг.

Невозможно полноценно реализовывать желаемый статус, игнорируя целостность, полноту системы, а также контекст — положения иницируемых предприятий-проектов среди других акторов и связностей. Результат политической или экономической акции в «предприятии на полном ходу» (Герберт Уэллс) зависит даже не столько от суммы усилий, сколько от удачно определенной позиции, уместности, своевременности воздействий. То есть от когерентности потоку перемен: совпадения с силовыми линиями многоликой системы, фокусируемой и форсируемой идеологическими, психологическими, культурными, мировоззренческими, метафизическими аттракторами. Но это если действовать исключительно изнутри системы, а не за счет распределенного множества контрагентов или посредством собственного генерального аттрактора.

Всё это ведет к изменению ментальности и прописей действия. При глобальной критичности формальное, то есть отчуждаемое, дисциплинарное знание дополняется и замещается знанием трансдисциплинарным, персонализированным, умениями, сноровкой, неотчуждаемыми от субъекта действиями, то есть искусствами.

Новый шаблон — тетрамадрица знания — описывает четыре состояния:

- ◆ рациональное и отчуждаемое от создателя: формальное, дисциплинарное знание;
 - ◆ рациональное и неотчуждаемое: мастерство как персональное искусство;
 - ◆ нерациональное и отчуждаемое: объекты творчества;
 - ◆ нерациональное и неотчуждаемое, манифестацией чего является субъект сам по себе.
- Как видим, логика постсовременного мира не вполне совпадает с ментальностью современного человека, но это не влечет отказ от рациональности: квантовая теория плохо воспринимается сознанием, однако выстроена она вполне рациональным образом. Смысловой кризис и расхождения в аксиологии приводят в конечном счете к серьезным изменениям в модели мышления/поведения и формулированию начал новой рациональности.

От фабрик мысли к интеллектуальным корпорациям

Наука неспособна создавать цели. Еще менее — воспитывать их в человеке. В лучшем случае наука может предложить средства к достижению определенных целей. Но сами цели порождаются людьми с высокими этическими идеалами. И если эти цели не мертворожденные, а обладают жизненной силой, их принимают и осуществляют те массы людей, которые полусознательно определяют медленную эволюцию общества.

Альберт Эйнштейн

Фабрики мысли (*think tanks*) — феноменология одного из этапов становления научных институтов, реализованного в прошлом столетии. В XX веке происходит индустриализация науки, развивает-

Джордж Уоттс и ученики. Хаос. Около 1875–1882 годов

ся прикладной, технологический аспект, формулируется технаука, осуществляется ее тестирование, происходят статусное закрепление, воплощение. Возникает новый тип исследовательского заведения — военно-промышленная лаборатория (в России — КБ, «шарашки», закрытые города), продемонстрировавшая эффективность и социальный потенциал. В США процесс развивался в русле проектного подхода, примеры чему — «Манхэттенский проект», впоследствии — проект «Аполлон». В России таким стержнем был атомно-космический проект, а его социальной ипостасью — система Академии наук, а затем футуристичный замысел наукоградов («академгородков»).

Фабрики мысли, работающие в сфере активного представления нефизических систем и структур, — американское достижение: к революционному перелому 1960–1970-х годов количество подобных интеллектуальных предприятий в США исчислялось сотнями. Аналитическая работа послевоенной поры основывалась на опыте масштабных боевых/логистических операций на глобальном театре действий. И была в значительной мере связана с процессом принятия решений в области политики, военного планирования, бизнеса, социальных и региональных инициатив.

Новое мироустройство меняет прописи практики. Глобальная социальная и культурная революция — переворот в антропологической вселенной. Люди привыкли воспринимать историю как книгу, забывая, что текст мерцает, строки переписываются, а прочтение будущих глав — плод внутренних и внешних усилий.

Параллельно с развитием интеллектуальных предприятий социогуманитарного профиля отчасти деградирует принцип публичности обретаемого знания. Исследовательская деятельность нередко сопряжена с коммерческой тайной и национальной безопасностью. Политическая и военная наука тяготеет к анонимности, своего рода неозотеризму, порой — к прямому сокрытию достижений и даже направлений исследований. В соответствии с заново прочитанными заветами неокантианцев философия преобразуется в методологию, знание — в технологию и товар.

Мир движется от вещи к знаку, а от знакового производства к цифровому измерению. Лидирует не теория, но проект, не наука, но аналитика. Исследуется не реальность *per se*, а практическая сфера, о «реальности вообще» — мы рассуждаем, дискурсируем. Кроме того, подчас создается и специфический продукт — симулякр как виртуальная личина социального знания. За счет деформации образа реальности, асимметричной обработки данных — гипертрофии одних

составляющих и подавления других — формируется инструментальная система мифов и стереотипов. Присутствие подобных тенденций в сфере социальных наук, тем, которые жили при советской власти, нетрудно почувствовать и понять.

В известной мере фабрики мысли, породившие отрасль интеллектуальных корпораций, это и есть властный дискурс: механизм формулирования и утверждения идей нового класса. Интеллектуальные предприятия, занимаясь исследованием социогуманитарных проблем, сливаются с инфраструктурой влиятельных советов и закрытых клубов. Заметны сдвиги в организации послевоенного мироустройства — создание мировых контролирующих и регулирующих органов в политической, экономической, финансовой, культурной областях. Следующий этап был инициирован Карибским кризисом, запустившим процесс переосмысления глобальных угроз. В середине 1960-х годов, во многом под воздействием умножения термоядерного оружия в условиях биполярно-

го противостояния, актуализируется стремление к перестройке мирового порядка, всей системы мировых связей, что получило определение «глобальная проблематика». Шаги в данном направлении обозначил президент Джонсон осенью 1966 года (то есть в разгар военных действий во Вьетнаме) в виде намерения приложить «решительные усилия к долгосрочному укреплению взаимосвязей» — строительству моста между Западом и Востоком. Вскоре последовали поездки Макджорджа Банди по пяти европейским странам, включая СССР, и встреча американского президента с советским премьером Алексеем Косыгиным (большей частью с глазу на глаз) летом 1967 года на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном — в местечке Гласборо. Тем самым был инициирован долгосрочный переговорный процесс по разрядке международной напряженности, ограничению и сокращению стратегических вооружений, а также постройке «моста» между двумя странами. Следующая — но так и не состоявшаяся — встреча намечалась на август 1968 года.

Были образованы переговорные площадки и учреждены международные организации, занятые глобальной пассивацией, созданы системы регионального и глобального контроля. Возник ряд неправительственных институтов (Международный институт системного анализа, Римский клуб, Институт перспективных исследований), в которых велась концептуальная разведка мировой динамики, исследовалась глобальная проблематика, развивался междисциплинарный подход с акцентом на масштабное, долгосрочное и активное представление будущего. Что, конечно, влияло на механику новейшей истории.

Постглобализация — разделенные миры

По-настоящему эффективным тоталитарным государством станет то, в котором влиятельные политические лидеры, встав во главе армии управленцев, окажутся вознесенными над людьми, поголовно не стремящимися к свободе, поскольку их вполне устраивает роль прислужников.

Олдос Хаксли

Мир пребывает в переходной ситуации: на планете возникают элементы постсовременных декораций, но и реалии эпохи Модернити соприкасаются на сцене. Возникает вопрос, а не является ли транзит и сопряженная с ним эклектика новым перманентным состоянием цивилизации?

Междисциплинарное знание и транснациональное мироустройство имеют нечто общее в структуре и онтологии. К 1960–1970-м годам прошлого века накопился опыт работы над объемными и долгосрочными замыслами, в частности, над развитием территорий, над военными и космическими проектами. Активное представление будущего принимало форму конкретной плановой задачи с позиций общей теории систем, рассматривалось и реализовывалось также в рамках иных подходов. Что в свою очередь вело к усложнению социальной рефлексии, почувствовавшей вкус междисциплинарности, долгосрочности, масштабности. И к относительно новому типу прогнозирования — нормативному, когда определяется желаемый облик будущего, а затем осуществляется целенаправленное сближение с ним. Между тем для России-СССР идея нормативного прогнозирования была вполне привычна, она являлась обычной практикой в форме генеральной установки на строитель-

ство нового общества, а также на достижение промежуточных этапов — выполнение пятилетних планов.

Интерес к теме активного (деятельного) прогнозирования проявляется на Западе. Организация экономического сотрудничества и развития провела исследование, посвященное данной проблеме, Белый дом и влиятельный Совет по международным отношениям инициировали серию дискуссий по дальней границе американской и мировой истории. Тогда же Збигнев Бжезинский формулирует тезис о стратегической цели Запада — создании системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов. Системы, основанной на трех принципах:

- ◆ замена демократии господством элиты;
- ◆ формирование наднациональной власти на путях сплочения ведущих индустриально развитых стран;
- ◆ образование элитарного клуба ведущих государств мира.

В 1973 году появляется на свет Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных персон и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. В июле того же года в Хельсинки открывается Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, заключительный акт которого был подписан спустя два года. И тогда же, в 1975 году, возникает новый мировой регулирующий орган — G7 (на тот момент G6). Последовали прогностические доклады Римскому клубу, включая знаменитый доклад «Пределы роста», разработка и применение Международным валютным фондом, Всемирным банком программ структурной адаптации и финансовой стабилизации, сыгравших заметную роль в разрешении глобального банковского кри-

зиса на пороге 1980-х, были заключены соглашения по ограничению стратегических и ядерных вооружений.

Драматичные события конца столетия сделали очевидным кризис социокосмоса, а крах СССР ознаменовал финал биполярного мироустройства, став точкой отсчета стремительного транзита. Поражение коммунистической программы предопределило дебаты о «конце истории», понимаемом как торжество либеральных идей и институтов демократии.

На планете тем временем возникают и утверждаются элементы постсовременной конструкции, однако реалии Модернити соприисутствуют на исторической сцене. Тени и призраки «столкновения цивилизаций» воплощаются как в новообразованиях, так и в преобразении институций, рожденных эпохой Просвещения. Форсаж миропереустройства, рост ставок в глобальной игре, метастазы мирового андеграунда — всё это формирует иной образ генеральной конструкции, нежели футурологические предсказания не столь давнего прошлого.

Помимо глобальной унификации, параллельно с ней происходит расслоение населения Земли по геоэкономическим и социальным параметрам. Духи постсовременности и неорхаизации, соприисутствуя «в одном флаконе», имеют разные мироустроительные программы. Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует кардинальные перемены — Большой социальный взрыв, способный расколоть планету людей, произведя поток астероидных вестников новой анархии. Триггером цунами может стать масштабная террористическая акция с применением средств массового поражения либо удар со сторо-

Джордж Уоттс. Всепроникающий. 1887–1890 годы

Кризис будущего – следствие изначальной катастрофы, изживаемой в производной субстанции – антропологическом времени в его социальном прочтении – истории.

Ян ван Эйк. Портрет четы Арнольфини. Фрагмент. 1434 год

ны цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между государствами-гарантами миропорядка, острый кризис финансовой системы, глобальная пандемия.

Глобализация – продукт и одновременно генератор высоких технологий, институтов проектирования будущего, нового типа личности. Универсализм, мондиализм имеет глубокие корни, но сегодня актуальна борьба за формулу его реализации. С умножением субъектов наблюдается увеличение зон конфликтности – конкуренция национальных и транснациональных организаций, корпоративных предприятий и слабо формализованных облачных структур. Всё это свидетельствует о пришествии полифонического общества, включающего элементы динамического хаоса.

Растет число исследований, в

которых с различных позиций анализируется переходный статус цивилизации, фиксируются и толкуются изменения в политическом, экономическом, правовом мироустройстве, предлагаются рецепты и концепты, способные, по мнению авторов, прояснить расфокусированное зрение, повлиять на маршрут истории. При этом в поле внимания оказываются не только трансформации властных либо экономических механизмов, но также перемены в номенклатуре социальных связей, генезис экзотичных популяций, оригинальных элитных групп, их иерархия, конфигурации.

Более того, нам интересна не только феноменология жизни на краю хаоса – пока под зонтиком глобального полицейского – либо альтернативные сценарии общежития, но и пути преодоления кризиса

ментальности – инновационная методология познания и действия в беспокойных, зыбких землях: кому и как действовать при возрастании рисков в многоликих мирах с изменчивой скоростью социального времени?

Речь идет и о высоких гуманитарных/социальных технологиях, основанных на новой рациональности, творческой реконструкции, синергичном мышлении, потоковых моделях социума. Генезис, статус, прогноз ситуации связаны с судьбой институтов и персонажей, которые создают новый инструментарий, при этом ответственность за результат, затруднительная в институциональных категориях, переходит на уровень конкретной личности, принимающей решение.

Востребованной оказалась также культурно-метафизическая основа практики: мыслительная и мировоззренческая позиция, позволяющая противостоять шоку перемен, мультикультурной эклектике, моральной, интеллектуальной растерянности. Позиция, заняв которую, можно пытаться преодолеть нищету растерянного сознания, постигая социальные горизонты и интеллектуальный *high frontier*.

Тайные окна

Некоторые окна лучше не открывать.

Слоган

Мир стремительно усложнялся, так что требовалось либо его упростить, либо управлять по-новому.

От новых технологий к новой практике

Грядет революция. Она будет отлична от революций прошлого, устремившись на этот раз непосредственно к человеку, а не классам. И прежде всего она затронет культуру, изменения же политических

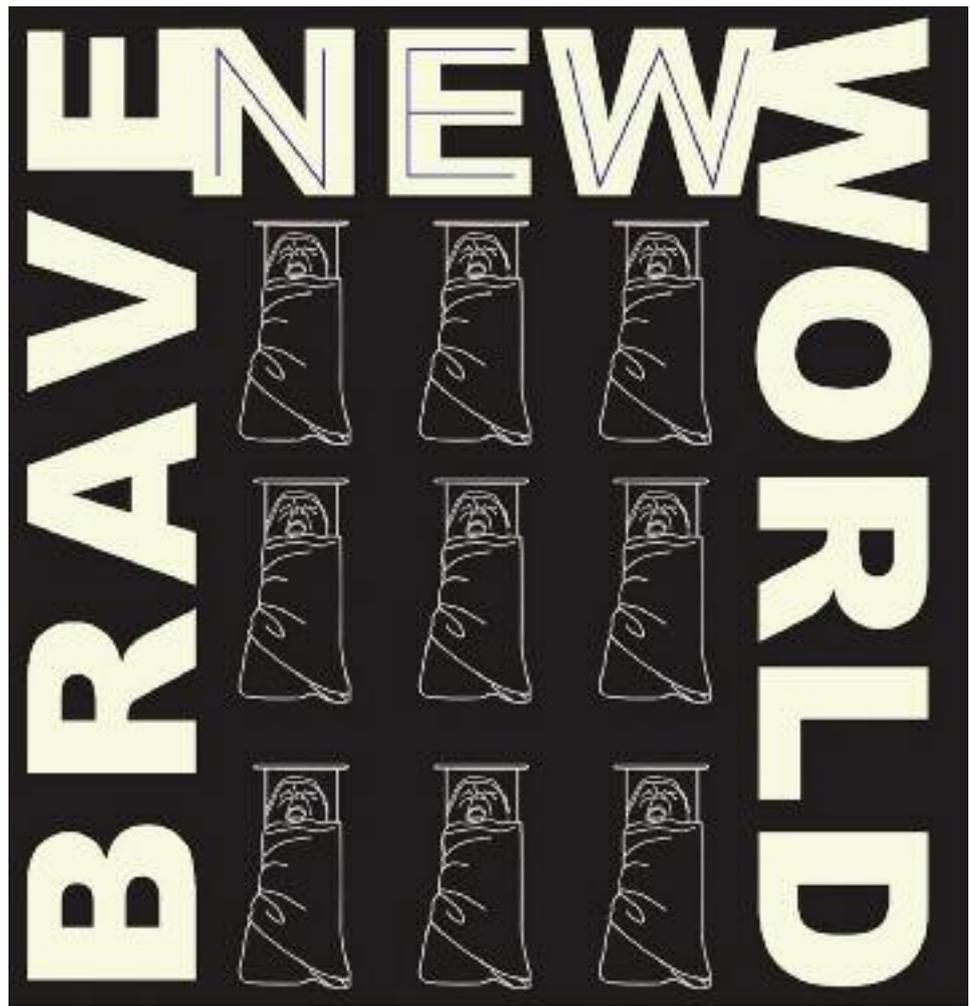
*структур совершается лишь
на последнем этапе.*

Чарльз Райх

Проблему предела компетенций правящего слоя можно разрешить двумя способами: сменив состав управленческой элиты, влив свежую кровь либо понизив общий уровень системы.

Пружина и механизм перемен — новый деятельный класс, причем речь идет не столько о предтечах и агентах, сколько о созидателях и движителях трансформаций. На планете конституируется влиятельный слой «людей воздуха», преимущественная сфера деятельности которых — создание смыслов, продуцирование образов, операции с культурным капиталом, другими нематериальными активами, генерирование управленческих, геополитических, геоэкономических, геокультурных замыслов и высоких технологий.

В сложноорганизованной Ойкумене эта галактика влиятельных персонажей, обладающих доступом к самому совершенному в истории инструментарию и технологиям, реализует новый тип и уровень операций, включая эффективные действия в ситуациях неопределенности. Сегодняшние «люди воздуха» — это не бывшие писатели и поэты, визионеры и риторы, хотя в свое время литераторы и философы пролагали социальные маршруты, на что в «Старом порядке и революции» указал Алексис де Токвиль: «Каким образом литераторы и ученые того времени, не обладавшие ни чинами, ни почестями, ни богатствами, ни ответственностью, ни властью, в действительности превратились в главных и притом единственных политических деятелей своей эпохи, поскольку пока другие исполняли функции правительства, они одни

Постер книги Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»

Глобализация – продукт и одновременно генератор высоких технологий, институтов проектирования будущего, нового типа личности. Универсализм, мондиализм имеет глубокие корни, но сегодня актуальна борьба за формулу его реализации.

пользовались реальным авторитетом? <...> Политическая жизнь была насильственным образом оттеснена в литературу, а писатели, приняв на себя труд управления общественным мнением, внезапно заняли место, какое в свободных странах занимают обычно вожди политических партий <...> литераторы приобрели политическую силу, получившую в конечном счете преобладающее значение в обществе».

Новое поколение четвертого сословия работает преимущественно не с вербальными, а непосредственно с социальными и политэкономическими текстами практики. Вы-

сокие социогуманитарные технологии нацелены на распоряжение объектами и событиями мерцающей реальности, плохо контролируемой конвенциональными методами. Речь идет о техниках косвенного, матричного, рефлексивного, точечного, рефлекторного управления, других способах нетривиального воздействия на сложные объекты в условиях интенсивной новизны. Прежнее знание о мире оказалось недостаточно эффективным, подчас обманчивым и едва ли не обременительным в новой вселенной. Чересчур сильна привычка думать о территориях и конструкциях, нежели о людях и энергиях, о со-

Примером технологий, которые обозначают как технологии управления хаосом, является концепция *self-organized criticality* – самоорганизующейся критичности, – сформулированная в русле новой рациональности – исследования сложных и сверхсложных систем, идей хаососложности, негативной диалектики, самоподдерживающегося развития.

вершившемся, а не о находящемся в становлении и об открывающихся возможностях. Но сегодня интересен не столько факт, сколько тренд; востребовано искусство чтения, а не навыки произнесения слов. Люди долго жили в землянках на берегу великого океана, который еще предстоит пересечь.

Возрастает роль амбициозного, сложного, компетентного человека – мастера свободных искусств, способного спроектировать и результативно осуществить комплексный акт. Человек-предприятие (*manterpriser*) – господин воздуха – востребован в роли как конструктора, так и деструктора. Формируя общественную топографию, он прочерчивает горизонт театра действий, который можно охарактеризовать как власть без государства.

Антропологические системы конкурентоспособнее публичных институтов. Человек – насельник творимой им же

вселенной – способен воплощать экзотичные версии прогностического текста. Люди, будучи по своей природе сверхсложными организмами, пребывающими в транзитном состоянии и побуждаемыми желанием не просто жить, но плодотворно действовать, объединяются в молекулярные цепочки по принципу алхимической симпатии, соучаствуя в трансформационных процессах.

Антропоцентричность проявляется в сдвиге от объективно механистичного стереотипа к субъективированным формам рефлексии, учитывающим ментальный, виртуальный характер социальных объектов и пластичность, алогичность, произвол человеческой природы. К примеру, если бы Сталин обладал подобным инструментарием, последствия венчурного мышления Гитлера и Черчилля не заставили бы страну врасплох. В наши дни методы рефлексивного

управления были с успехом использованы при планировании военных действий США в Ираке.

Параллельно с трансформацией военных технологий в комплексные системы господства кардинальные изменения происходят также в сфере финансово-экономической, познающей бескрайний космос трансфинитной практики. Корпорации новой элиты, действуя в условиях конкордата (и одновременно конкуренции) с элитой уходящей, выстраивают каркас глобальной штабной экономики, задающей правила игры на планете. А также создают высокие геоэкономические технологии, организующие практику в глобальном масштабе, обеспечивая устойчивый постоянный контроль и доход.

Новые технологии повлияли на актуальную формулу денег. Появились новые деньги, отличные от прежних. Старые были особыми вещами – слитками, монетами, банкнотами, векселями, облигациями, сертификатами, обеспеченными ликвидностью банка либо материальными активами государства. Но современная американская банкнота – чем

обеспечена она? Ни сокровищами форта Нокса, ни собственностью США, да и вообще это не продукт американского казначейства. Обеспечена же она глобальной циркуляцией, востребованностью в пространстве текущих и отложенных операций, универсальной ликвидностью, символическим и социальным капиталом, другими нематериальными активами, совокупной мощью США и 6-м американским флотом. Федеральная резервная система США — при всех обременениях, возложенных на нее государством, — пожалуй, первое мощное постиндустриальное и фактически трансграничное производство XX века.

Или, скажем, технология глобального долга. Можно описывать, каким образом она приводилась в действие, рассматривая эмиссию долговых обязательств как форму колонизации будущего — капитализацию времени. На сегодняшний день глобальный долг превратился, по сути, в систему контроля над траекториями мирового дохода/ресурсных потоков, над системами потребления и их национальной геометрией. А что такое инфраструктура квази-рентных геоэкономических платежей, где доход и прибыль извлекаются не из земли, как в классической политэкономии, а «из воздуха»?

Возьмем технологию управления рисками. Ее суть не только в страховании национальных, региональных, глобальных рисков с бонусом в виде инициирования соответствующих международных институтов, но также в искусстве управления кризисными ситуациями (то есть в капитализации альтернатив бытия). То же можно сказать о перспективе глобальной налоговой системы, прообраз которой проскользнул еще в схеме Киотского протокола.

Особая тема — деструктивная параэкономика, в рамках которой доход образуется за счет деконструкции — подчас высокоиндустриальной и высокотехнологичной — результатов человеческой деятельности. И конечно — проекции будущих властных водоразделов: зон эффективного управления на бескрайних территориях трансфинитной хрематической практики.

Самоорганизующаяся критичность

Тихие сумасшедшие приближаются к будущему.

Габриэль Гарсиа Маркес

Примером технологий, которые обозначают как технологии управления хаосом, является концепция *self-organized criticality* — самоорганизующейся критичности, — сформулированная в русле новой рациональности — исследования сложных и сверхсложных систем, идей хаососложности, негативной диалектики, самоподдерживающегося развития.

Зыбкие границы науки о хаосе, зародившейся в 1960-е годы, вначале охватывали науки о природе. Однако примерно с 1980-х годов, если не раньше, обретенные знания стали примеряться к социокосмосу — военной сфере, бизнесу, политике. Дисциплинарные рамки толкуются при этом расширительно, а ряд категорий и лексем употребляется метафорически, скорее ориентируя, нежели определяя.

Предмет исследований — не статика, не частица, то есть материальный объект, а элемент движения. Точнее, непрерывности — волна, тренд. Динамика рассматривается как состояние системы, способной абсорбировать и рассеивать энергию, поступающую извне, генерируя и хаос, и новые формы организации.

Ситуация описывается посредством таких понятий, как диссипативные структуры, кооперативные явления, периодические/непериодические последовательности, синергетические эффекты, автокаталитические процессы, спонтанные ремиссии, сечение фазового пространства, фрактал, бифуркация, аттрактор. Сложные системы естественным образом эволюционируют до критической стадии, на которой определяется их судьба: тут даже незначительное воздействие способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы системы.

Сложная самоорганизующаяся (адаптивная) система обладает потенциалом динамического хаоса, что проявляется в критических ситуациях. При определенных обстоятельствах небольшие события могут привести к ее обвалу. Простой пример — куча песка, которая рассыпается после того, как принимает очередную горсть. В другом случае внешнее действие способно стимулировать реструктуризацию и установление нового порядка. Обвал, как и реконструкция, происходит стремительно. Технологии, нацеленные на управление социальной мобильностью, претендуют на сознательное достижение подобных эффектов, форсирование, использование критических состояний, а в перспективе — продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм нового порядка.

Местом профессионального изучения феномена сложности (физической, биологической, социальной, технической) является американский Институт Санта Фе, созданный в 1984 году специально для исследования комплексных систем, сюжетов, проблем. В научный фундамент института были заложены

идеи Андрея Колмогорова и Якова Синая, Бориса Белозова и Анатолия Жаботинского, Ильи Пригожина и Алана Тьюринга, Рене Тома и Бенуа Мандельбро, Эдварда Лоренца и Митчелла Фейгенбаума, Джеймса Йорке и Германа Хакена, Норманна Паккарда и Кристофера Лангтона, Мюррея Гелл-Манна и Пера Бака... А также иных авторитетных исследователей нелинейности и самоорганизации. Со временем появились другие организации — в частности, Группа по изучению действий в условиях неопределенности и Центр по исследованию сложных операций при Пентагоне.

Хотя методология — это скорее исследовательская позиция, стимулирующая поиск эффективных средств контроля и управления в изменчивых обстоятельствах, ее отдельные прописи технологизированы. Проблема, однако, в высоком риске и малой предсказуемости следствий дестабилизации и обвальной хаотизации. Правда, социосистемы в этом отношении выгодно отличаются от физических — здесь присутствуют дополнительные механизмы амортизации (*benevolent factors*).

Технологизацией методологии занимаются преимущественно те, которые проверяют ее на практике. И те, которые объединены модным термином «кризис-менеджмент», причем необязательно применительно лишь к управлению политическими или экономическими процессами: обширное поле деятельности представляют антитеррористические, военные или культурологические операции.

Вот пример алгоритмизированного действия в динамичной среде в условиях неопределенности: создается и позиционируется подсадная утка — аттрактор, стягивающий гравитацией элементы, которые

хотелось бы выявить, наблюдать и по мере возможности контролировать, управлять ими. Но для выполнения задачи аттрактор должен инициировать и стимулировать динамику в заданном направлении, действуя эффективно, если не эффективно, поскольку, чтобы сохранять качества аттрактора, он должен являться авторитетом/лидером. Причем качество его эффективности и/или эффективности измеряется по параметрам, присутствующим именно данному обществу. Что же происходит при попытке контроля над деструктивной констелляцией? Наверное, для внешнего наблюдателя совокупность действий в этом случае могла бы показаться гротескной реминисценцией на тему азефовщины. И порою с соответствующими последствиями. Революция есть состояние общества близкое к хаосу. Люди — переменные, способные к спонтанной активности и одновременно к продуманному долгосрочному замыслу. Искусство динамичного управления заключается в том, чтобы:

- ◆ подвести систему к неравновесному состоянию;
- ◆ в нужное время и в соответствующем месте вбросить фактор, приводящий старый порядок к обвалу (хаотизация организации);
- ◆ ввести аттрактор, структурирующий систему в новом — желательном — направлении.

В качестве еще одного кейса рассмотрим применение средств господства. Обратимся к операциям, осуществляемым Соединенными Штатами в Афганистане, Ираке, других горячих точках. Акциям, которые в определенном смысле вообще не имеют временной границы. Они скорее вписываются в некий стратегический рисунок, представляя звенья, опорные площадки гибкой, инициативной си-

стемы управления, реализующей следующие цели:

- ◆ поддержание высокой боеготовности войск путем их погружения в условия боевых действий низкой интенсивности;
- ◆ непосредственный контроль над ключевыми/критическими зонами;
- ◆ выстраивание вокруг этих зон оперативно-тактических коалиций;
- ◆ апробация различных методов проведения операций (включая нетрадиционные), а также испытание вооружений. При этом прежняя стратегия сдерживания заменяется доктриной упреждающих ударов.

Представляется, что для США важна в пределе все же не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное: сегодня перед Америкой стоит амбициозная задача, которая решается на практике, — перехват и удержание стратегической инициативы, создание эффективной схемы управления в условиях перманентной нестабильности в подвижной, децентрализованной среде. Я бы охарактеризовал дизайн подобной дорожной карты как динамичную систему мировых связей (*intra-global relations*), чтобы отличить ее от прежней — сбалансированной и стационарной системы международных отношений (*international relations*). Особенно если учесть делегирование национальными государствами своих компетенций сразу по трем векторам — глобальному, субсидиарному, корпоративному, — а также рост числа и разнообразия субъектов мировых событий.

На планете возникают и реализуются концепты, конкурирующие с наиболее мрачными прогнозами земной футурологии — такими, как единение государственной и мафиозной власти, сливающие-

ся с близостью спецслужб. Разрастание амбициозных сообществ, коалиций богатства и власти, действующих поверх стран и народов, одновременно с расползанием мирового андеграунда, его выходом на поверхность в нечестивом конкубинате с большим социумом. Превращение государств в подобие бизнес-корпораций, а ТНК — в подобие государств. Гибридные и дисперсные войны с участием обезличенных войск, частных армий, разведывательных/интеллектуальных трестов, эскадронов смерти. Анонимные семантические, технологические, финансовые, цифровые, биотехнологические атаки. Квазифемические суды с распределенным множеством розыскных терминалов и глобально-рассредоточенной пенитенциарной системой. Проведение императивными структурами комплексных операций управляемой интенсивности. Черный рынок безопасности. Метастазы территорий смерти с их перманентными, кровоточивыми конфликтами. Объединение мейнстрима и маргиналов, элиты и люмпенов, гламура и помойки... В общем — разнообразные версии сокрушения миропорядка, культурного коллапса, аномии, неорхаизации, антропологической катастрофы. Перспектива ак-

Схема «семерых самураев»: если у корпорации имеются критические шесть–восемь сотрудников, у нее есть будущее. Если таковых нет, будущее проблематично. Сейчас гений, вылезший, фигурально выражаясь, из глиняной мазанки-хижины, может занять видную позицию, скажем, в крупной фирме — раньше подобная карьера была весьма маловероятна.

тивных действий в существенно изменившейся среде предполагает серьезные коррективы в технологии организации и применения средств господства.

Постулаты нелинейной динамики и теория критической сложности были взяты на вооружение Корпусом морских пехотинцев США еще лет двадцать назад. А в знаменитом Лос-Аламосе был учрежден Центр нелинейных исследований для координации работ по изучению хаоса и сопряженных проблем. Принципиальных различий тут нет. Военные начинают отрабатывать формулы действия, прописанные гражданскими. Высокие геэкономические технологии инкорпорируют идеи управления кризисами и феноменологию изошренного использования силы, в том числе военной. «Люди Санта Фе» разрабатывают теоретическую часть технологий.

Сетевая гештальт-культура

Мы работаем для пользователей из разных стран и отра-

жаем ту действительность, которая их окружает.

Яндекс

Сегодня можно говорить не только о линейке технологий, но о семействе оргструктур и версиях культуры, именуемой сетевой.

Привычная форма организации — учреждение, то есть бюрократически-номенклатурный динозавр. Работа движется по штатным векторам на основе регламента, подчас не вполне ясного. И практически никто — за исключением руководителя, да и то не всегда — ничем серьезным, в сущности, не рискует. Право на инициативу базируется на формальной иерархии, ролевых функциях, шаблонных процедурах. Уровень разделения рисков минимален.

Сетевая организация базируется не на штатной структуре, а на проектно-функциональном принципе, молекулярной комбинаторике, неформальном лидерстве, системном аутсорсинге. Объединена она концептуальным аттрактором и персональной ответствен-

ностью за реализацию уже не ролевой функции (должности), но результативного действия или конкретного проекта. Здесь соединяются высокая степень вертикальной мобильности (в обоих направлениях) с серьезным разделением рисков и нелинейной динамикой гибкой организованности, оперативной реагирующей на приливы и отливы конъюнктуры.

Идеал подобного организма — в синергии соборной миссии с личными устремлениями дерзновенных и компетентных личностей. Это прообраз мира трансэкономических структур — корпораций в полузабытом значении термина, в своем пределе представляющих не организации, но сумму проектов и реализующих их людей.

Новая культура, подобно вирусам, может сосуществовать во плоти прежних социальных организмов, инфицируя их, продуцируя конфликт между административной иерархией и сетевой культурой, между управленцем и креатором-творцом.

Мир-XXI — это реактор, пребывающий в активном состоянии, производящий флуктуации, приоткрывающий неопознанные законы своей работы. Контроль и управление людьми/событиями в сложном мире напоминает езду на тигре, однако, несмотря на наличие опытных дрессировщиков, постсовременный мир способен едва ли не спонтанно переходить от одного режима к другому.

Статус изделия, вещи, механизма в пентхаузе Нового Севера снижается. «Продается продукт, покупается бренд» — лозунг стратегического планирования. Корпорация, равно как глобальная экономика в целом, все активнее оперирует нематериальными ресурсами, организуя образ продукта, пакеты сопутствующих

услуг, продумывая диверсифицированное пространство действия. Элементы же промышленного производства нередко передаются контрагентам на аутсорсинг. В фокусе оказывается своеобразный высокотехнологичный Версаче — производство авторитета, бренда, генеральной политики, ключевых решений, технологических регламентов, финансовых прописей, геоэкономических лекал. И высокотехнологичных средств господства.

Умные практики учитывают системный характер взаимосвязей с глобальной средой, предъявляя союзникам и конкурентам соответствующую стратегию услуг и угроз. Венчурность нередко базируется на переосмыслении принципов казино-экономики, а ментальность инновационных предприятий порой напоминает стиль опытных шахматистов, соединенный с психологией игрока в покер.

Планетарный контекст повышает значение символических объектов, жестов и процедур. В глобализированном сообществе принцип домино перерастает в эффект бабочки, когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные следствия в другом — к примеру, в сфере общественной психологии или финансово-экономических операций, хоть и хорошо управляемых, но уязвимых для системных влияний.

Поделюсь поучительной байкой. Лет двадцать назад Дэвид Паккард, один из создателей компании *Hewlett Packard*, и Джон Гейдж, основатель компании *Sun Microsystems*, приняли участие в семинаре деловой и политической элиты. В ходе мероприятия Дэвид задает вопрос: «Джон, сколько человек тебе нужно для организации предприятия?» Джон, задумавшись секунд на 15, отвечает: «Шесть, может быть, восемь». Тогда ведущий дискуссию Ру-

стем Рой обостряет ситуацию: «Джон, а сколько людей реально работает в корпорации?» На что следует мгновенный ответ: «Шестнадцать тысяч, но они в основном являются ресурсом для рационализации». Это объяснение приводит к схеме «семерых самураев»: если у корпорации имеются эти критические шесть—восемь сотрудников, у нее есть будущее. Если таковых нет, будущее проблематично. Сейчас гений, вылезший, фигурально выражаясь, из глиняной мазанки-хижины, может занять видную позицию, скажем, в крупной фирме — раньше подобная карьера была весьма маловероятна.

В наши дни нередки ситуации, когда в организацию с пиететом вовлекают человека, не имеющего копеечки за душой, однако обладающего специфической компетенцией, умением или даром. Интеллектуальные «тротилловые эквиваленты» а-ля *200 IQ* также обеспечивают пожизненную ренту. А если дар уникален — будущность организации подчас увязывается, срастается с его обладателем. Или организация создается подобно взрывной волне, являясь деятельной, материальной оболочкой человека-предприятия. Так что и в среде общества массового потребления личность, обладающая творческой потенцией, резервами духа, владеет отнюдь не медным грошиком. *Head-hunters* различной ориентации ищут не только людей образованных, квалифицированных, энергичных, творческих, но подчас — поводырей в будущее для опознания невидимых пространств, скрытых от функционального зрения. Но слепые гомеры их ощущают и опознают.

Однако все это — рассуждение в привычных экономистических координатах. Жизненное же целеполагание и стимулы

действий в постсовременном универсуме явно выходят за ограниченные данной проблематикой рамки. Метанойя — инструмент первопроходцев и оружие колонизаторов: за миссионерами шли авантюристы и мародеры, перекачиполе и поэты в душе. Мы не замечаем всей полноты, стремительности изменений: люди «обедают и только обедают, а в это время слагаются их судьбы и разбиваются сердца» (Чехов).

Перемены — синкопы живой тектоники в засушливых землях практики, чья телесность предопределена конъюнктурой цен на кровь, сырье, урожай. Творчество — не слишком предсказуемая субстанция: эликсир от помех наследуемого прошлого, истрепавшегося каталога проб, достижений, ошибок.

Маргинальность иногo провоцирует дестабилизацию, последняя — деконструкцию или революцию. И потенциально — деструкцию, творческую либо тотальную. Креативные слои — питательная среда оппозиции, ибо дискурс прозорливой власти трансцендирует среду обитания. Критический класс в эпоху перемен и метафор становится гегемоном, сталкивая лоб в лоб анти-террор и личный суверенитет. Сложный мир содержит спектр сценариев прорыва и созидания, дестабилизации и разрушения, попытки же упрощения чреватy тотальным контролем. Обретая предельную свободу, люди поставлены перед необходимостью преодолеть нажитые несправедливым трудом искажения и свою внутреннюю бездну. Возможно, чтобы иметь шанс пережить наряду с интеллектуальной, также моральную реформацию и, отменив темнеющий горизонт, восстановить раненую до костей человечность. За порыв взимается плата, однако в сложившихся об-

стоятельствах важны не строки счета, а что именно обретается либо теряется. Образ благородства изначально запечатлен на челе Адама и его потомков. Присущая человеку сумма совершенных качеств — свет надежды в ночи: «Когда нет героев, все мы — лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти».

Все же о главном в социальной прогностике и практике — о трансформации личности — известно опасно мало. Проблема даже не в смущенных умах. Дело серьезнее — мы, кажется, на пороге кардинального изменения представлений о человеке.

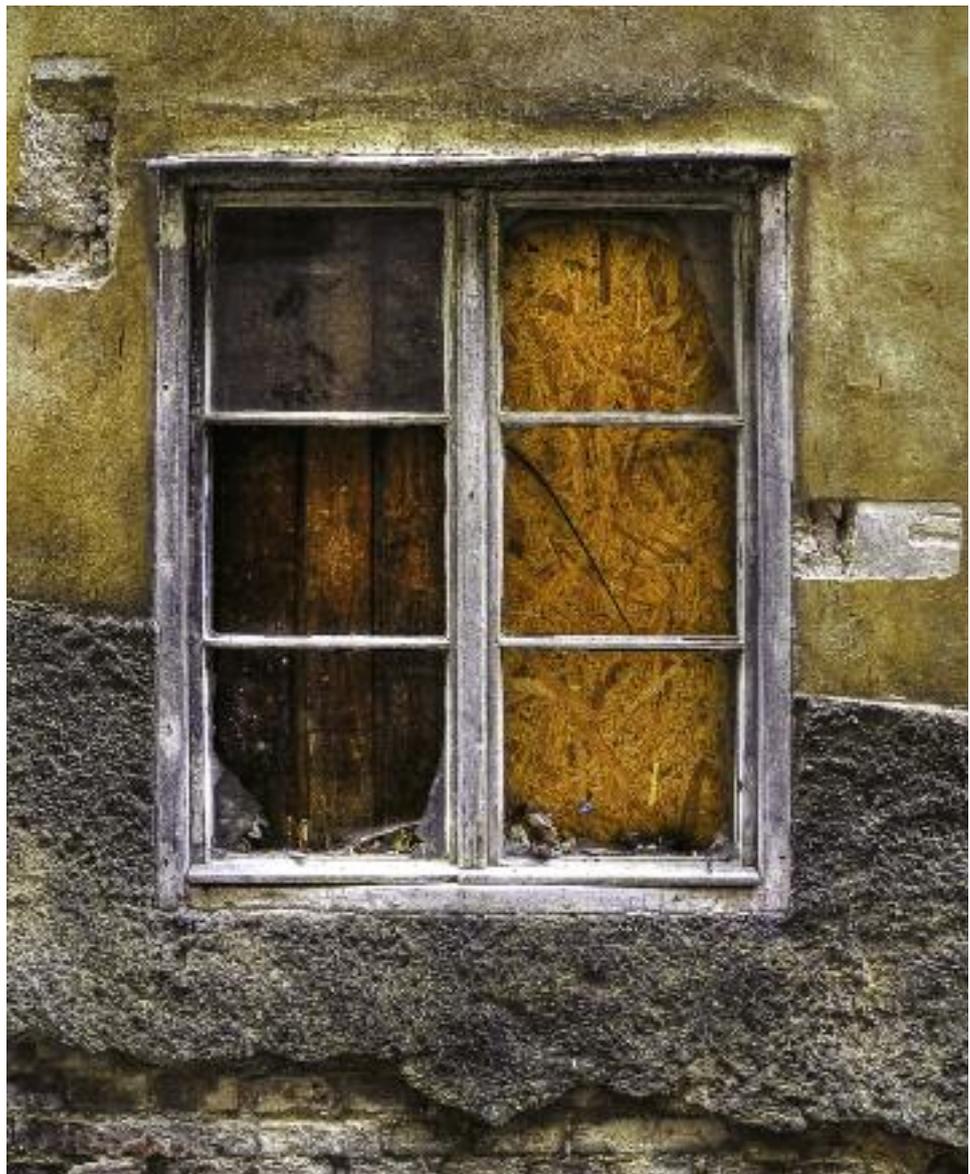
Заколоченные окна

Я не хочу обносить стенами свой дом или заколачивать свои окна.

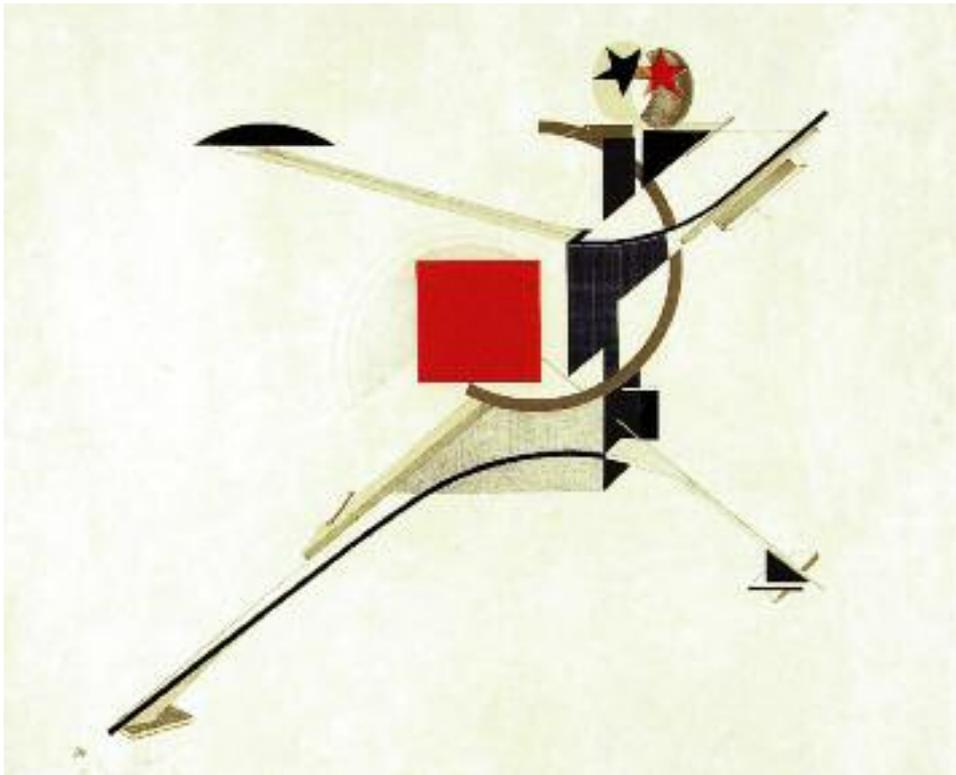
Рабиндранат Тагор

Какие выводы можно сделать о политическом тексте новой эпохи по результатам попыток декодировать энигматичную вязь?

Источники социокультурных энергий, проецируя несовпадающие замыслы на мерцающие листы футуристического трактата, перманентно усложняют содержание. Под воздействием интервенций пополняется многообразие смыслов, меняется интрига постсовременности. Не вы-

Эль Лисицкий. Новый человек. 1923 год

История есть перманентное обновление человека. Чувство перемен проникает внутрь национальной природы, разъедает ее и, обжигая дерзновенных личностей огнем бытия, распространяет «мировой пожар» на территориальные, отраслевые, профессиональные организованности.

держивая конкуренции, некоторые линии повествования — в актуальной (*updated*) его версии — выпадают из центрального сюжета и, преобразуясь во фрагменты памяти, экзотичными эпизодами-эскадронами рассыпаются по тексту, удерживаясь в ранге интерполяции на маршевом плацу цивилизации.

Инструментализация субъекта

Я знаю, что я знаю, но вот что именно знаю, я не знаю.

Рашид (Фаранг)

За последние годы и десятилетия в мироустройстве изменилось многое, и это создает проблемы для официальных членов международных связей. Планета все более напоминает слоистый пирог, в котором отдельные персонажи занимают сразу несколько этажей.

Речь идет не только о геоэкономическом размежевании. Усиливается роль неформальных организаций, значение нематериальных капиталов, обретаемых подчас за счет материальных активов, что приводит на ум ситуацию из шахматной партии: жертву фигуры за качество. Географическое измерение практики постепенно утрачивает прежнее значение: игроков глобального казино интересуют (в данном регистре) в основном ареалы природных ресурсов и маршруты их транспортировки.

Геополитика как таковая замещается геоэкономикой и геокulturой, а они, вместе взятые, в свою очередь — технологическим превосходством, контролем над инфраструктурой цивилизации и течением социального времени. Новое мироустройство, стерео-

метрия его границ определяются, таким образом, не столько в географических категориях, сколько в единицах мощи, влияния, качества быта/бытия, темпов перемен. И степенью присутствия в правовых, финансовых, цифровых, языковых, семантических, когнитивных пространствах социокосмоса.

Раздел и перераспределение виртуальных ландшафтов отчасти напоминает прошлую борьбу за рубежи земных территорий. При этом обмен ценностей высшего регистра на сокровища низших — заведомо неэквивалентная затея, ведущая к трансформации субъекта в инструмент.

Реконструкция человеческой вселенной проходит по прописям и лекалам конкурирующих версий постсовременности. Стратегии глобальной перестройки — это не суммы оперативно-тактических комбинаций, пусть даже масштабных. Дело не в объемах перемещаемых сил и ресурсов, а в особенностях целеполагания: желаемом или осознанно дальновидном характере миростроительных практик. Арсенал актора, решившего обустроить на зыбких землях, — проявленная и признанная (обоснованная) субъектность, наличие собственного прочтения будущего, воля и способность утверждать его, вершить суд и реализовывать вынесенный вердикт.

Право — столп закона и миропорядка. Но одновременно — нить Ариадны для общества, сшивающего по новой мерке распоротый вестфальский камзол. Процесс нынешнего обустройства — универсальный постиндустриальный передел, волны противоборств за гегемонию: ключевые позиции в среде глобальной инфраструктуры — сетей и струн эпохи перемен.

Это вселенская битва за «золотой камертон»: контроль над

образом будущего и управление механикой продвижения к нему.

Эскалация дестабилизации

Существование элиты определяется не жаждой власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми.

Карл Мангейм

По мере приближения к фазовому переходу перед системой возникают четыре горизонта: откат от бифуркации — при удержании прежнего состояния, инволюция (архаизация), деструкция (разрушение системы), обретение более сложного порядка. На пути к трем из них система начиная с какого-то момента переживает период хаотизации организации, во время которого она является максимально уязвимой.

Прогноз ситуации зависит как от «стечения обстоятельств» — флуктуаций среды, так и от потенциалов, мощи, гибкости, фертильности системы в момент перехода.

Окно уязвимости во время критической фазы может быть отягощено растратой нематериальных ценностей, дискредитацией авторитета, нарушением метаболизма, внутренним конфликтом, искажением восприятия опыта и ситуации (отрыв от реальности из-за сбоя обратной связи), критическим накоплением проблем, избытком материальных или иных обременений и т.д.

Подрыв сложившегося контекста — в данном случае системы мироустройства — подобен допэмиссии акций: усиливает позиции более сильного игрока и подрывает интересы слабого. Новый порядок складывается на основе фактического статуса, а не

исторического казуса. Кроме того, деконструкция миропорядка содержит угрозу обвальной дезинтеграции любого ослабленного субъекта: опасность утраты целостности на выходе из состояния перестройки без обретения иной связности.

Попытка авантюрного исхода из кризиса посредством целенаправленной дестабилизации окружения приводит к резкому изменению взаимоотношений со средой. Из партнерских, аморфных, нейтральных они трансформируются в отчужденные или враждебные, что предполагает включение активной защиты для вытеснения из организма источника деструкции.

Сдерживание же автодеструкции, прерывание процесса распада форсированным эскапизмом — заколачиванием окон уязвимости — оборачивается в конечном счете той или иной формой изоляции, автаркии и чревато неархаизацией.

Обновление мира и человека

Зло не настолько крепко, чтобы превозмочь силу блага <...> а превратность нашей природы не пребывает твердой даже во зле.

Святитель Григорий Нисский

Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня.

1 Кор. 3:13–15

История есть перманентное обновление человека. Разговоры о постиндустриальном мире или информационном

обществе, «столкновении цивилизаций», «конце истории» — попытки осознания сути переживаемого транзита и его сшитая на живую нитку формализация. Чувство перемен проникает внутрь национальной природы, разъедает ее и, обжигая дерзновенных личностей огнем бытия, распространяет «мировой пожар» на территориальные, отраслевые, профессиональные организации.

Обостряется конкуренция за источники социальной гравитации — пожалуй, наиболее востребованный стратегический ресурс: золотой песок, клондайк Нового мира. Вместе с культурными, кадровыми, творческими активами это — одна из наиболее значимых целей в борьбе за конфигурацию XXI века.

Проблема современной России в остром дефиците энергии культуры, что чревато серьезными пертурбациями в хлынувшем потоке перемен. Культурный капитал — сложнообъемлемый актив, требующий не просто усилий, но времени для полноценного воплощения и утверждения в обществе.

Коллизии трансформации могут разрешаться двумя способами — охранительным и преадаптивным:

- ♦ более либо менее жестким контролем над событиями с целью упрощения ситуации, ее консервации с демонстрацией подчас деятельной альтернативы;

- ♦ сменой языка и прописей управления на те, которые позволяют соотноситься на равных с усложнением ситуации, используя потенциал кризиса как ресурс повышения адаптивности системы.

Будущее — за системами опережающего (преадаптивного) развития, а не превентивными — пусть по-своему и динамичными — механизмами поддержания *status quo*. ☞